

Обозрение

Т. А. Дьякова

БЕСКОНЕЧНОЕ ТАИНСТВО УЧИТЕЛЬСТВА

В конце апреля вышла в свет книга, написанная Учителем. И именно поэтому — умная, нужная, добрая. Марина Игнатьевна Картавцева, почетный гражданин Воронежа, автор книги «Белый свет ненагляден», воспринимает ее как продолжение дела всей своей жизни. Не завершения, а продолжения. Всегда поступок и слово учителя она воспринимала, мне кажется, как тепло, полученное из рук своих наставников и бережно передаваемое ученикам. И самым важным было для нее это тепло не растерять. В книге, как и в жизни, М. И. Картавцева всегда бережно относится к людям и потому ценность жизни определяет легко, просто, честно. Жизнь, которая зиждется на любви и благодарности, становится такой яркой, такой безграничной и такой необходимой. Марина Игнатьевна в своей книге вспоминает университетских учителей, нравственные уроки которых оказались значимыми и спустя полстолетия. Алла Борисовна Ботникова, Валентина Ивановна Собинникова, Анатолий Михайлович Абрамов — педагоги, сформировавшие духовный фон филфака 1950-х годов, передавшие тепло учительства и студентке Картавцевой.

Не могу не привести слова президента Международной ассоциации детских фондов, председателя Российского детского фонда, академика Российской академии наук, писателя Альберта Лиханова, которого связывали с Мариной Игнатьевной годы сотрудничества в Детском фонде. «Учителем становится, увы, не всякий учительствующий, а лишь тот, кто оставляет след в душах своих учеников, растворяет створки в мир для их сердец, мыслей, взоров. Учитель — всегда сам открыватель мира, — для себя самого, — но еще, по природе своей, способен, открыв, за собой других повести, приняв на себя всю ответственность за свое нелегкое путеводительство».

Слова А. Лиханова, предназначенные народному учителю СССР М. И. Картавцевой, обращены к Учителю, воспринимающему свое дело как служение людям. Эти высокие слова Марина Игнатьевна определяет предельно честно и ответственно:

«Книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках, родилась как ответная реплика в разговоре о социальном и нравственном статусе учителя-профессионала в нашей жизни, а точнее — о самой жизни: зачем каждый из нас приходит в этот мир, “прекрасный и яростный, открытый настежь бешенству ветров”. Каждый однажды этим воп-

М. Картавцева

*Белый свет
ненагляден...*

Картавцева М. И. Белый свет ненагляден...
Воронеж : Центр духовного возрождения
Черноземного края, 2010. 304 с.

росом задается — про себя или вслух — не столь важно.

Мой поезд отходит. Я уже на перроне, и думается, у меня есть моральное право на реплику в этом важном разговоре еще и по праву жизненного и профессионального опыта.

Не знаю, найдете ли вы убедительными мои мысли и суждения. Но они искренни.

В приличном обществе лгать в принципе не принято, а когда человек делает последние шаги на земле — тем паче.

Шагать хочется медленно, хочется почаше обращать взор к небу: там все так же величаво проплывают над молодым Болконским (и над нами тоже!) вечные облака, написанные Толстым как высокий символ мудрости мироздания, в котором никак негоже лгать...».

Благодаря этой честности и всеобъемлющей доброте в книге М. И. Картавцевой каждый найдет для себя строки, написанные только для него.

Не могу не привести несколько фрагментов из воспоминаний Марины Игнатьевны об университете. «Спрашивают часто, что дал мне университет. Саму себя. Потому что научил меня быть счастливой и нужной людям, так как именно в его стенах я получила возможность овладеть профессией, определившей и мою человеческую судьбу.

Он дал мне знания, необходимые для занятий творческим трудом. А есть ли радость глубже и полнее?

Раскрывая жизнь человека в сложном, противоречивом, порою жестоком, но и прекрасном мире, университетские учителя формировали мое мировоззрение.

Согласитесь: это немало.»

Вот строки воспоминаний автора книги об университетских учителях.

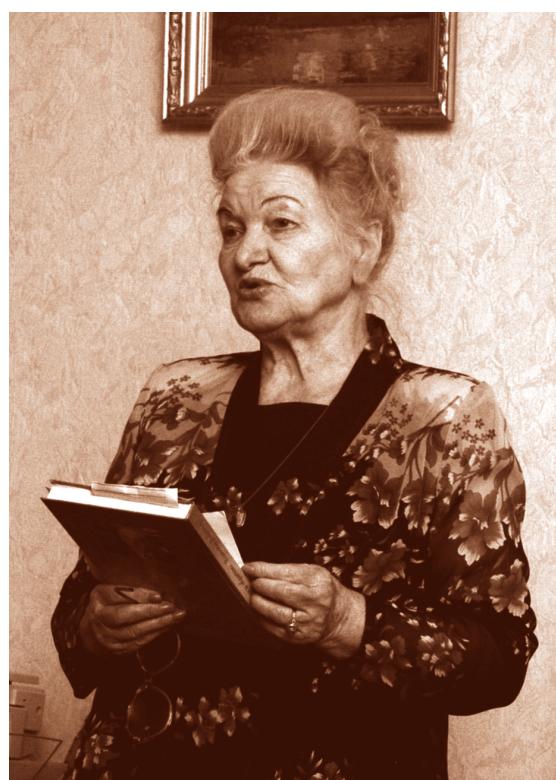
О В. И. Собинниковой

«С самого начала она предпочитала не спрашивать ответ на вопрос билета, а беседовать со студентом, уважая его, конечно же, не всегда глубокие, а уж тем более не всегда оригинальные мысли...»

Валентина Ивановна легко краснела, когда студент являлся на экзамен недостаточно подготовленным. Не упрекала, не гневалась, не повышала голоса — просто возвращала зачетку:

— Поработайте еще. Разберитесь в материале. Пожалуйста...

Это “пожалуйста” обескураживало даже нагловато-расторопных студентов, ее интеллигентность обезоруживала».

Марина Игнатьевна КАРТАВЦЕВА

О А. М. Абрамове

«Анатолию Михайловичу удалось найти свое призвание и остаться ему верным. Какой это большой и бесценный дар! Все университетские филологи Воронежа второй половины XX века вышли из его книг, статей, лекций, как русские писатели из гоголевской “Шинели”. И, кажется, сумели быть ему благодарными за науку, сумели гордиться тем, что учились у Абрамова постигать русскую словесность».

О А. Б. Ботниковой

«У нее за плечами — прекрасная, умная, достойная жизнь, о которой она рассказала нам исповедально, назвав ее очень скромно — “В те времена”... Читаешь книгу и понимаешь, какой она талантливый писатель.

Я попросила эту вышедшую совсем недавно книгу, чтобы уточнить некоторые данные биографического плана — формулировку темы ее диссертации, например.

Открыла — и не могла оторваться, полкниги проглотила в тот же вечер, потом стала нервничать, что шрифт мелкий, строчки почти наталкиваются друг на друга, глаза уставали, а радость все росла и росла, и рождалось ощущение, что я шагаю вместе с автором по

дорогам и тропинкам ее жизни и судьбы и так все понимаю, принимаю и чувствую, будто все это случилось и со мною.

Хорошая получилась книга — не только “о времени и о себе”, но и о нас с вами: очень многое пережито вместе в родном Воронеже».

Отзыв Картавцевой об опубликованных воспоминаниях Ботниковой в полной мере относится и к книге самой Марины Игнатьевны, страницы которой рисуют образ нашего города, судьбы людей и лично пережитую полувековую историю событий. А главное, за всеми ее воспоминаниями ощущаешь доброе и участное отношение к людям. Доброта и участие незримыми спутниками проходят за читателем от первой страницы до последней. Это рождает невероятно приятное и волнительное чувство чтения книги, состояние, подобное общению с близким другом.

Думаю, что сама Марина Игнатьевна, вспоминая людей, с которыми ее связала судьба, всегда стремилась именно к такому общению. Слова благодарности состоявшегося учителя к своим университетским педагогам раздвигают границы обыденного существования и наполняют жизнь глубоким смыслом, в творении которого участвуют все они вместе.

Потом прибавляются и те ученики, которым М. И. Картавцева всю свою жизнь передавала тепло учительства. И вот уже преподаватель ВГУ Жанна Грачева вспоминает о своем учителе. Возникает картина жизни, в которой

незаметно, ненавязчиво передается эстафета учительства новому поколению.

«Ваша квартира на пятом этаже. Для меня это символично: чтобы прийти к Вам, нужно подняться вверх, ступенька за ступенькой, шаг за шагом... И мы идем к Вам со своими проблемами, свершениями и поражениями, несем свой нехитрый “скарб” жизненных раздумий... и Вы слушаете, слушаете, слушаете...

Мы любим то, что любите Вы... Вот вид из окна Вашего кабинета... Такой знакомый почти киевский каштан, как из моего украинского детства! Море зелени летом, царственное разноцветие осенью, белоснежная есенинская сказка зимой... Сколько раз я смотрела в это окно с тихой спокойной радостью и верой в лучшее.

О чем мы только не говорили в этом доме! О работе, о наших семьях, о политике, о детях и их судьбах, о религии и Боге, о смерти и бессмертии, о мучительных поисках пути...

В конце стажерской практики Вы сказали нам, что “мы нужны школе”. И мы Вам поверили и обрадовались. Это очень важно, осознавать, что ты нужен».

Я сознательно соединила на этих страницах свое слово со словами людей разных поколений, свой голос с голосами многих участников бесконечного таинства учительства. Именно процесс передачи любви, мудрости, доброты от Учителя к Ученику продолжает нашу жизнь и наполняет ее светом и теплом...

